

Встрѣчи и столкновенія ¹⁾.

(В. И. Добровольскій.—М. М. Шершевскій.—Ф. Ф. Павленковъ).

В. И. Добровольскій.

Моя первая встрѣча и единственное столкновение съ извѣстнымъ нашимъ офтальмологомъ, В. И. Добровольскимъ, относятся къ концу 70-хъ годовъ. Я заѣхалъ къ нему для опредѣленія степени моей близорукости, и меня, помню, поразило, что въ пріемные часы я никого не засталъ. Это какъ-то странно противорѣчило установившейся за Добровольскимъ репутаціи выдающагося врача. Пріемъ у него на дому происходилъ два раза въ день: рано утромъ и въ послѣобѣденные часы. Я заѣхалъ послѣ обѣда, и когда онъ ко мнѣ вышелъ, я увидѣлъ передъ собою заспаннаго господина съ глазами, до того налитыми кровью, что я удивился, какъ врачъ можетъ доводить свои глаза до такого состоянія. Я впрочемъ вспомнилъ поговорку, что на сапожникѣ рѣдко бываютъ хорошіе сапоги, и успокоился на этомъ. Но меня тотчасъ же опять смутили нечистоплотные его пальцы, которыми онъ собирался раскрыть мнѣ глаза для лучшаго ихъ осмотра. Я невольно отшатнулся. Это видимо его раздражило. Но тутъ я вспомнилъ рассказъ, будто бы онъ, осмотрѣвъ какую-то даму и убѣдившись, что она нуждается въ пустой хирургической помощи, тотчасъ же взялъ со стола ножъ и, не говоря дурного слова, собирался ее рѣзнуть, и что дама отъ неожиданности упала въ обморокъ. Вспомнивъ этотъ рассказъ, я далъ себѣ слово воздержаться отъ обморока, что бы со мной ни продѣлалъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ февраль 1912 г.

знаменитый окулистъ. Но то, что онъ продѣлалъ, было ужасно. Своими нечистоплотными пальцами онъ разбередилъ мнѣ глаза до того, что слезы у меня потекли ручьемъ. Не давъ мнѣ опомниться, онъ предложилъ мнѣ читать на разстояніи разныя слова и цифры. Я плохо видѣлъ, а онъ все сильнѣе негодовалъ на то, что я не могу прочесть тѣхъ словъ, которыя я, по его мнѣнію, долженъ былъ прочесть. По степени близорукости я могъ прочесть указываемыя имъ слова, но мнѣ мѣшали слезы. Наконецъ онъ раздражился до того, что, затопавъ ногами, крикнулъ: „Говорю вамъ, вы можете прочесть!“.

Тутъ я убѣдился, что мы этимъ путемъ не столкнемся, и сказалъ:

— Знаете что, профессоръ: я, правда, слышалъ, что вы... человекъ рѣзкій, но, что ваша рѣзкость принимаетъ такіе размѣры,—этому я никогда бы не повѣрилъ, если бы...

Добровольскій страшно сконфузился и сталъ быстро бормотать: „Кто вамъ это сказалъ, кто вамъ это сказалъ?“. Онъ очевидно самъ не зналъ, что говорить, ему хотѣлось только чѣмъ-нибудь загладить произведенное имъ тяжелое впечатлѣніе.

Визитъ мой окончился благополучно. Владиміръ Ивановичъ лечилъ меня потомъ много лѣтъ, и я не могу нахвалиться его вниманіемъ и даже его деликатностью, такъ что затрудняюсь объяснить случившіяся съ нимъ грубыя выходки, испортившія ему до того практику, что, несмотря на выдающіяся его заслуги, онъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ газетнымъ объявленіямъ, чтобы напоминать о себѣ пациентамъ.

Грубость—явленіе нерѣдкое у нашихъ врачей—объяснялась у него, можетъ быть, отчасти его происхожденіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитаніемъ, отчасти его склонностью къ спиртнымъ напиткамъ, отчасти его болѣзненнымъ самолюбіемъ. Рассказываютъ, что ему на какомъ-то парадномъ обѣдѣ пришлось сидѣть рядомъ съ очень вліятельнымъ генераль-адъютантомъ. Тотъ старался занять разговоромъ научную знаменитость, но Добровольскій отвѣчалъ такъ неохотно, что генераль-адъютантъ не утерпѣлъ и спросилъ его, гдѣ онъ собственно воспитывался. Тутъ Добровольскій на весь столъ громко отчеканилъ: „Въ пажескомъ Его Величества корпусѣ“. Произошла неловкая сцена, которую генераль-адъютантъ замаялъ съ тактомъ свѣтскаго человека. Послѣ обѣда кто-то изъ свидѣтелей этой сцены обратился къ Добровольскому съ упрекомъ, зачѣмъ онъ себѣ вредитъ такими выходками. „Да что же, онъ, спрашиваетъ, — огрызнулся Добровольскій: — не видитъ, что-ли, что я семинаръ?“

Въ этомъ эпизодѣ сказался весь Добровольскій. Тутъ и сознаніе несомнѣнныхъ заслугъ, и пренебреженіе къ представителямъ правящихъ классовъ, и плохо скрываемаѣ досада, что ему самому недоступно то, что тѣмъ какъ бы прирождено, и виновность въ томъ, въ чемъ онъ нисколько не виноватъ. Это настроеніе, свойственное многимъ семинаристамъ, въ связи съ нѣкоторыми явленіями нашей общественной жизни еще не нашло себѣ должной оцѣнки.

Какъ бы то ни было, внѣшняя грубость у Добровольскаго нисколько не исключала, какъ я лично убѣдился, таившуюся въ его душѣ мягкость и деликатность. Но во всякомъ случаѣ она мѣшала успѣхамъ его практики, которою онъ дорожилъ и которая ему не давалась, хотя преуспѣвали иногда врачи, не имѣвшіе и сотой доли его заслугъ. Его неудачливости въ этомъ отношеніи содѣйствовало и полное отсутствіе въ немъ шарлатанства. Какъ я ни осуждаю шарлатанство у врачей, я самъ чуть было не отшатнулся отъ Добровольскаго вслѣдствіе его необычайной искренности и простоты. Весь этотъ эпизодъ настолько характеренъ для нашихъ врачей, что его стоитъ рассказать.

У меня три раза въ жизни повторялось воспаленіе радужной оболочки. Уже послѣ второго приступа этой мучительной болѣзни, лишавшей меня каждый разъ возможности работать въ теченіе шести недѣль, я обратился къ Добровольскому съ настойчивой просьбой сказать мнѣ, чѣмъ она собственно вызывается, потому что нельзя же лечить болѣзни, не зная ея причины. Добровольскій отвѣтилъ мнѣ съ свойственной ему простотою, что онъ причины не знаетъ, но что въ учебникахъ говорятъ обыкновенно о травмѣ, сифилисѣ и ревматизмѣ. Ни той, ни другой болѣзни у меня не было, а вылечиться я непременно хотѣлъ. Поэтому я бросилъ Добровольскаго и обратился къ другой знаменитости, которая мнѣ авторитетно заявила, что причина моей болѣзни ясна, какъ день, что у меня расширеніе сосудовъ, и что я долженъ обратиться къ врачу общихъ болѣзней, и рекомендовала мнѣ покойнаго Чудновскаго. Тотъ мнѣ прописалъ спорынью. Я исправно глоталъ этотъ ядъ, но черезъ годъ у меня иритисъ опять повторился. Тогда я рѣшилъ обратиться къ покойному Г. А. Донбергу. Онъ тоже мнѣ указалъ на ревматизмъ и сифилисъ, какъ на причины болѣзни, а на мое замѣчаніе, что у меня этихъ болѣзней никогда не было, возразилъ: „Почемъ вы знаете? Кто васъ грудью кормилъ? Мать? Нѣтъ, не мать. Значитъ, кормилица. Ну, а ее изслѣдовали? Нѣтъ. Значитъ, вы не знаете, была ли она здорова“. На это мнѣ оставалось, конечно, только отвѣтить, что я дѣйствительно не знаю,

былъ ли у меня сифились. Но такъ какъ причина моей болѣзни все-таки оставалась неизвѣстной, то я рѣшился намекнуть на расширение сосудовъ.

— Гдѣ у васъ расширение сосудовъ? — спросилъ нетерпѣливо Донбергъ.

— Въ глазахъ,—отвѣтилъ я.

— Кто вамъ это сказалъ?

Я назвалъ знаменитость.

— Скажите ему отъ моего, Донберга, имени, что онъ по меньшей мѣрѣ дуракъ.

Я этого порученія, понятно, не исполнилъ, но причина моей болѣзни такъ и осталась пока невыясненной. Я вернулся къ Добровольскому и намекнулъ ему также на расширение сосудовъ. Онъ точно такъ же, какъ Донбергъ, спросилъ:

— Гдѣ? Въ животѣ?

— Нѣтъ, въ глазахъ,—отвѣтилъ я потупясь.

— То-то вамъ совѣстно стало отъ такой глупости,—не рѣшаетесь даже смотрѣть на меня.

Тѣмъ дѣло и кончилось, и я ничего не узналъ. Причина моей болѣзни раскрылась мнѣ только впоследствии и вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

М. М. Шершевскій.

У Михаила Марковича не было недостатка въ томъ, что совершенно отсутствовало у Владиміра Ивановича, и такъ какъ онъ къ тому же былъ искусный врачъ, то пользовался большимъ успѣхомъ. Въ діагнозѣ желудочной болѣзни, которая меня къ нему привела, онъ ошибся, прописавъ мнѣ водолечение. Директоръ водолечебницы, въ которую я хотѣлъ поступить, добросовѣтнѣйшій остзейскій нѣмецъ, рѣшительно отказался меня принять, заявивъ, что никакіе авторитеты міра его не убѣдятъ, что водолечение можетъ быть мнѣ полезно. Но я не ставлю этого въ вину Шершевскому,—всѣ мы подъ Господомъ Богомъ ходимъ. И не это меня въ немъ поразило, а то, что онъ хотѣлъ рѣшительно все дѣлать не такъ, какъ другіе врачи, а какъ-то особо: всѣ должны были чувствовать, что онъ врачъ особый, и что его никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ другими врачами.

Послѣ подробнаго и чрезвычайно добросовѣстнаго изслѣдованія, во время котораго онъ синимъ карандашомъ разрисовалъ мнѣ животъ и отчасти грудь причудливыми линіями по всѣмъ направленіямъ, онъ мнѣ заявилъ, что, читая мои литературныя произве-

денія, убѣдился, что мозгъ у меня дѣйствуетъ исправно, но что нервы и особенно нервы желудка у меня сумасшедшіе. Начавъ съ этого, онъ прочелъ мнѣ обстоятельную лекцію, не лишнюю остроумія, въ которой онъ сравнилъ человѣческой организмъ съ государствомъ и доказывалъ, что, несмотря на вполне логическую мысль правительства, т. е. мозга государства, вслѣдствіе неисправной дѣятельности тѣхъ или другихъ проводниковъ его воли, отдѣльныя части организма могутъ придти въ полное разстройство. Эта лекція продолжалась никакъ не менѣе полчаса. Я ее выслушалъ съ полнымъ вниманіемъ; внимательно выслушалъ и предписанное мнѣ леченіе. Оно состояло въ прикладываніи къ затылку и подъ ложечку скульптурной глины, продаваемой въ Академіи Художествъ; затѣмъ надо было каждые полчаса съѣдать по бутерброду величиною въ серебряный рубль, съ чѣмъ мнѣ заблагодаряется; кромѣ того, я долженъ былъ за обѣдомъ непременно ѣсть вестфальскую ветчину, взятую изъ определенной колбасной, помню, гдѣ-то на Пантелеймонской; наконецъ, чтобы возстановить должное повиновеніе проводниковъ воли центрального правительства, т. е. желудочныхъ нервовъ мозга, я долженъ былъ принимать гидратъ-хлораль маленькими дозами. Все это мнѣ предстояло продѣлывать въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, т. е. до лѣта, когда онъ мнѣ строго-на-строго велѣлъ заняться водолеченіемъ. Въ этихъ предписаніяхъ все было оригинально, за исключеніемъ водолеченія, которое на повѣрку оказалось совершенно ненужнымъ. Михаилъ Марковичъ въ этомъ пунктѣ себя измѣнилъ и за это заплатился докторской ошибкой.

Но, какъ бы то ни было, только отъ него, хотя онъ и не былъ окулистомъ, я наконецъ узналъ причину моей глазной болѣзни. Рассказывая ему исторію моей болѣзни, я между прочимъ упомянулъ, что у меня три раза было воспаленіе радужной оболочки, и что спеціалисты не могли опредѣлить причины этого часто повторяющагося недуга. На это Шершевскій улыбнулся и сообщилъ мнѣ слѣдующее интересное свое наблюденіе.

— Если бы я не былъ военнымъ врачомъ,—сказалъ онъ мнѣ:— я вамъ вѣроятно тоже сказалъ бы, что воспаленіе радужной оболочки вызывается травмой, ревматизмомъ или сифилисомъ. Но когда я былъ еще полковымъ врачомъ, эта болѣзнь встрѣчалась у меня въ полку довольно часто. Свидѣтельствовалъ, спрашивалъ больныхъ,—не было ли сифилиса или ревматизма? Нѣтъ, сомнѣній быть не могло: болѣзнь вызывалась не этими причинами. Сталъ я внимательнѣе относиться къ дѣлу, и, представьте себѣ, оказалось, что воспаленіемъ радужной оболочки заболѣваютъ главнымъ обра-

зомъ лучшіе стрѣлки въ полку. Тутъ я понялъ, что дѣло не въ ревматизмѣ и не въ сифилисѣ, а въ напряженіи зрѣнія, тѣмъ болѣе, что заболѣвали солдатки всегда на правый глазъ. Но если это съ солдатками возможно, то тѣмъ болѣе это возможно съ писателемъ. Небось вы глазами-то не мало дѣйствовали.

И такъ если бы я не зашелъ къ Шершевскому и если бы онъ не былъ человѣкомъ наблюдательнымъ и при томъ военнымъ врачомъ, то никто изъ врачей не открылъ бы мнѣ глаза на причину моей глазной болѣзни, о которой я впрочемъ самъ легко могъ бы догадаться, если бы былъ болѣе догадливъ. Правда и то: человѣкъ обыкновенно не замѣчаетъ, чего онъ замѣчать не хочетъ, а легко ли писателю увѣрить себя, что онъ вредитъ себѣ тѣмъ, что ему дороже всего на свѣтѣ?

Ф. Ѳ. Павленковъ.

Между издателями, съ которыми меня столкнула судьба, Павленковъ занимаетъ очень видное мѣсто, и я полагаю, что онъ заслуживаетъ гораздо большаго признанія, чѣмъ какое ему выпало на долю при жизни и послѣ смерти. Говоря это, я имѣю въ виду не читателя, отнесшагося къ нему сочувственно и помогшаго ему создать крупное издательское предпріятіе, а нашего брата писателя, который создаетъ имя человѣку, посвятившему всѣ свои силы просвѣщенію общества.

Покойный Флорентій Ѳедоровичъ былъ съ головы до ногъ человѣкъ дѣла. Для него онъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ: и своимъ состояніемъ, котораго у него впрочемъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова и не было, потому что онъ признавалъ все имъ нажитое общественнымъ достояніемъ, и своимъ здоровьемъ, которое онъ, работая безъ устали, ничуть не щадилъ. Это была цѣльная натура, мужественная, прямая и честная, какъ подобаетъ ее имѣть воину, коимъ онъ былъ не только въ переносномъ смыслѣ, ведя храбро войну со своими многочисленными врагами, но и въ буквальномъ смыслѣ въ качествѣ офицера, вышедшаго въ отставку въ виду злоупотребленій, раскрытыхъ имъ въ той части, въ которой онъ служилъ. Но если онъ, такъ сказать, отрекся отъ арміи, то армія врядъ-ли отъ него отречется, цѣня тѣ военныя качества, которыя онъ съ такою полнотою воплощалъ въ себѣ.

Никто не заподозритъ меня въ пристрастіи къ Павленкову: онъ оплачивалъ мой трудъ не щедрѣе другихъ, а въ политическомъ отношеніи мы съ нимъ сильно расходились. Павленковъ былъ, какъ я сказалъ, весь преданъ дѣлу, преданъ до фанатизма; онъ даже,

какъ выяснилось въ одномъ спорѣ со мною, не допускалъ, чтобы фанатизмъ могъ быть признанъ явленіемъ отрицательнымъ. Въ дѣла онъ былъ человекъ какъ бы потерянный, не знавшій, куда идти, на что смотрѣть, о чемъ говорить, но когда онъ былъ занятъ своимъ любимымъ дѣломъ, онъ вдругъ изъ ничтожнаго на видъ человека выросталъ въ крупнаго общественнаго дѣятеля.

Мы съ нимъ были люди если не различныхъ лагерей, то люди различнаго міропониманія. Въ основныхъ цѣляхъ мы врядъ ли расходились; мы съ нимъ вѣрили въ свободу, горячо любили и родину, и просвѣщеніе. Но онъ вѣрилъ въ законность и плодотворность „протеста“ и потому шелъ рука объ руку съ такъ-наз. радикальнымъ лагеремъ; этому лагерю онъ служилъ по мѣрѣ силъ и средствъ, увѣренный, что именно онъ обновитъ и спасетъ Россію. Я этого мнѣнія не раздѣлялъ; однако соимѣстная работа съ нимъ была для меня возможна. Дѣло въ томъ, что Павленковъ смотрѣлъ немного шире на прогрессъ, чѣмъ его партія. Онъ думалъ, что если и далеко не всѣ, то многія дороги ведутъ въ Римъ, а не одна только, какъ думаетъ наша радикальная партія. Всѣ его симпатіи были на сторонѣ послѣдней: въ качествѣ сотрудниковъ люди этой партіи главнымъ образомъ и поддерживали его предпріятіе. Но въ то же время онъ понималъ, что многія хорошія книги, русскія и иностранныя, указывающія дорогу въ тотъ же Римъ, будутъ ими забракованы, а потому и дорожилъ другими сотрудниками. Въ его многочисленныхъ письмахъ ко мнѣ сохранились ясно-выраженныя опасенія, что дѣятельность его не будетъ вполне успѣшна, если онъ всецѣло довѣрится радикальной партіи.

Мнѣ кажется, что, кромѣ этой основной причины, была еще другая, заставлявшая его быть на-сторожѣ. Уже въ 70-хъ и 80-хъ годахъ представители этой партіи выступали учителями позднѣйшихъ декадентовъ въ одномъ очень практическомъ дѣлѣ. Они артелью налегали на даннаго издателя и нещадно его эксплуатировали. Примѣровъ такого примѣненія артельного начала можно насчитать не мало, и до чего доходила эксплуатация издателей этими литературными артельщиками, показываетъ слѣдующій фактъ. Павленковъ какъ-то попросилъ меня написать для его біографической бібліотеки жизнеописаніе Александра II. Я сперва сомнѣвался, принять ли эту по существу мнѣ весьма симпатичную работу въ виду небольшого объема, установленнаго для жизнеописаній его бібліотеки, но когда онъ мнѣ заявилъ, что для Царя-Освободителя можно сдѣлать исключеніе и отвелъ мнѣ 12 убористыхъ листовъ, я согласился и взялъ подъ эту работу авансъ въ нѣсколько сотъ рублей. Обстоятельства однако сложились такъ, что я все-таки вы-

нужденъ былъ отказаться отъ нея. Какъ только это для меня выяснилось, я тотчасъ же съѣздивъ къ Павленкову, чтобы сообщить ему о своемъ рѣшеніи. Флорентій Ѳедоровичъ такъ смутился, что мнѣ стало его жаль, хотя я и не понималъ причины его смущенія. Вижу, онъ меня всячески уговариваетъ не отказываться отъ работы. Я ему называю лицъ, которыя могли бы съ успѣхомъ меня замѣнить. Нѣтъ, Флорентій Ѳедоровичъ не соглашается: по его мнѣнію, я именно тотъ человѣкъ, который безпристрастнѣе всего оцѣнитъ Царя-Освободителя. Тогда я, *roug courag court*, вынимаю бумажникъ, чтобы возвратить авансъ, но рука у меня опускается. Съ Флорентіемъ Ѳедоровичемъ происходитъ что-то неладное. Глаза его округляются, словно онъ чему-то несказанно удивляется, ротъ его также округляется, словно онъ хочетъ отъ изумленія протянуть безконечное: „о-о-о-о!“ Сдѣлавъ надъ собою усиліе, я наконецъ вынимаю изъ бумажника деньги и отсчитываю кредитки. Павленковъ внимательно слѣдитъ за движеніемъ моихъ рукъ, и когда я кончаю, приходитъ наконецъ въ себя и говоритъ: „А все-таки. Ростиславъ Ивановичъ, не отказывайтесь!“

Вопросъ, повидимому, былъ исчерпанъ, но причина изумленія Павленкова осталась для меня не вполне еще выясненною. Слово „все-таки“ кое-что, правда, уясняло, но мнѣ интересно было въ точности узнать, вѣрна ли моя догадка. Я спросилъ:

— Развѣ, Флорентій Ѳедоровичъ, случай возвращенія вамъ авансовъ такъ рѣдка?

Павленковъ въ отвѣтъ печально улыбнулся, развелъ руками и сказалъ:

— Это первый и вѣроятно единственный случай въ моей практикѣ. Другіе издатели, впрочемъ, можетъ быть счастливѣе...

Я уже упомянулъ, что Павленковъ здоровья своего не щадилъ. Когда я съ нимъ познакомился (это было въ 1890 г.), онъ былъ еще бодръ, но его по временамъ донималъ мучительный кашель. Онъ съѣздивъ въ Крымъ, попробовалъ тамъ отдохнуть, но, подчиняясь бывшей въ немъ ключомъ энергій, изъ Алушты взобрался пѣшкомъ на Чатырь-Дагъ. Понятно, что и Крымъ ему при такихъ обстоятельствахъ пользы не приносилъ. Впрочемъ, онъ изъ экономіи себѣ экскурсій на югъ больше не позволялъ и довольствовался скромной дачей подъ Петербургомъ. Его кашель меня тревожилъ, и я ему настойчиво совѣтовалъ проводить по крайней мѣрѣ осень, если не всю зиму, гдѣ-нибудь на Ривьерѣ. Онъ сперва рѣшительно возсталъ противъ этой мысли, говоря, что дѣло этого не допускаетъ, да и средства не позволяютъ. Видя, что всѣ мои доводы остаются безъ результата, я его спросилъ, увѣренъ ли онъ, что его наслѣд-

ники поведуть его дѣло, дѣло немаловажное, такъ же умѣло и любовно, какъ онъ самъ. Онъ возразилъ, но уже не такъ увѣренно: „Что за комплименты!“ Я не настаивалъ, полагая, что кашель доскажетъ ему то, чего я не досказалъ. И дѣйствительно въ слѣдующую осень онъ поѣхалъ въ Ниццу, а затѣмъ сталъ проводить тамъ и всю зиму, постоянно сѣтуя шутливо въ своихъ письмахъ ко мнѣ, что Ницца его въ гробъ уложитъ, потому что, когда его нѣтъ въ Петербургѣ, типографіи и корректора его изводятъ, а я себѣ думалъ, что послѣдніе не такъ опасны, какъ его недугъ, и радовался, что онъ живетъ въ Ниццѣ. Кажется, что зимы, проведенныя имъ въ Ниццѣ, благопріятно отражались на его здоровьѣ, потому что онъ оттуда всегда возвращался здоровѣе и бодрѣе. Но недугъ ужъ слишкомъ далеко зашелъ, и Павленкова въ 1900 г. не стало. Онъ прожилъ бы можетъ быть еще дольше, если бы экономія не заставляла его жить въ Ниццѣ въ помещеніи, мало соответствовавшемъ гигиеническимъ требованіямъ. Бѣдный Павленковъ! Живя для дѣла, онъ о себѣ забывалъ.

Русскій литераторъ, русскій читатель и русскій народъ не могутъ не хранить доброй памяти объ этомъ энергичномъ и предприимчивомъ издателѣ, создавшемъ изъ ничего крупное просвѣтительное предпріятіе, распространившемъ десятки тысячъ экземпляровъ прекрасныхъ дешевыхъ книгъ и давшемъ средства для основанія многихъ народныхъ библіотекъ и для образованія довольно крупнаго капитала на пользу неимущей пишущей братіи. Такихъ энергичныхъ, умѣлыхъ и предприимчивыхъ людей наша родина насчитываетъ не такъ ужъ много, чтобы имѣть право забыть Павленкова.

Р. Сементковскій.

